

В воспоминаниях о детстве совершенно безразлично, какой архитектуры был первый в нашей жизни дом: многоэтажный ли городской гигант или пригнущийся к земле деревянный, с тремя окнами. И двор, даже самый крохотный, захваченный со всех сторон стенами, навсегда запомнится большим и дорогим, утопал ли он в зелени или клубился пылью, освещался солнцем или стоял в тени. Точно так же не имеет никакого значения, какая была в нем квартира: отдельная, комфортабельная или без горячей воды и со множеством соседей. Последнее обстоятельство для ребенка даже радостнее: чем больше соседей, тем больше впечатлений, тем интересней: каждый малому рад, к каждому можно зайти в гости...

Вот в такой коммунальной типичной довоенной московской квартире на Первой Мещанской, 126, в старом трехэтажном каменном доме, где до революции помещались меблированные комнаты «Наталис», принимавшие приезжих с соседнего Виндавского (ныне Рижского) вокзала, пролетели первые восемь лет жизни Владимира Высоцкого. никогда не забывавшего этот свой первый — родной дом. О нем и его жильцах он не раз пел, сочинив «Балладу о детстве», где есть такие строчки: «Но родился, и жил я, и выжил — дом на Первой Мещанской в конце...».

Бывшая Первая Мещанская давно называется проспектом Мира, последние десятилетия по нынешний день застраивается новыми многоэтажными домами, придающими ей облик столичного проспекта. Конец его теперь не у вокзальной площади, а намного дальше, у Ярославского шоссе. А на месте старого трехэтажного дома на четной стороне у вокзальной площади стоит многоэтажный дом с башенным завершением, по мысли архитекторов играющий роль въездных ворот проспекта. На снимке, сделанном после войны известным московским фотохроникером Грановским и напечатанном в газетах, этот дом, точнее, его первая секция видна еще стоящей рядом со старым домом в виде буквы «Г», часть которого вдавалась во двор. В середине пятидесятых годов выходящие на проспект стены этого дома снесли и продлили на их земле дом-ворота. Дворовая часть здания осталась, как была. Поэтому сегодня рассматривать то, что существовало прежде, можно только на старых фотографиях, собранных в альбоме, хранящемся Ниной Максимовной Высоцкой, матерью поэта.

Сына она принесла домой на руках с соседней Третьей Мещанской из родильного дома, где он появился на свет 25 января 1938 года.

Ни отец Нины Максимовны, Максим Иванович Серегин — швейцар гостиницы, ни ее мать, Евдокия Андреевна Синотова, всю жизнь воспитывавшая детей (родила 12, вырастила пятерых) не успели дожить до рождения внука. Дед по матери — из села Огарева Тульской губернии — приехал в Москву мальчиком в 14 лет, подносил чемоданы, потом стал швейцаром. Бабушка — родом из Подмоскovie, из деревни Утицы, расположенной у Бородинского поля. Радовался внуку только молодой тогда дед Владимир Высоцкий, отец мужа, известный среди парфюмеров специалист, имевший три высших образования — химика, экономиста и юриста...

На снимках из семейного альбома вижу трехлетнего тонконогую, похожего на девочку

мальчика, таким, каким он узнал, что такое бомбежки, убежища, оставившие след в его памяти. («Не боялась сирены соседка. И привыкла к ней мать понемногу. И плевал я, здоровый трехлетка, на воздушную эту тревогу»). Он, как все московские дети тех лет, пережил бомбежки ночные и дневные, поднимал на крышу песок, где взрослые тушили зажигательные бомбы. («И как малая фронту подмога мой песок и дырявый кувшин»).

В часы налетов мать спускалась с ним в бомбоубежище, где он — впервые, по-видимому, — выступал публично в довольно многочисленной аудитории: став на сиденье стула, читал стихи о пограничнике, запомнившиеся Нине Максимовне...

На Дальнем Востоке в туман и пургу, Стоит пограничник и смотрит в тайгу...

У него, как у всех детей, была цепкая память, которая сохранилась и когда он подросток. Отличали его от многих детей двора два качества: беспредельная доброта, проявлявшаяся в том, что он раздаривал и раздавал, что имел; хранил в кармане кусочек хлеба, чтобы отдать недоедавшей матери, когда та возвращалась домой после работы. Эта его черта бросалась в глаза только родителям. А вторая его особенность поражала всех знакомых, особенно когда они звонили Высоцким по телефону. Если двухлетний малыш брал в руки трубку и начинал разговор, то его нередко принимали за взрослого, настолько низкий, густой, детский был у него голос. Возможно, как говорит Нина Максимовна, это произошло от перенесенных ангин, возможно, что такая врожденная черта — хриплый от природы голос. Она могла сыграть решающую роль в жизни будущего певца, навсегда отбить вкус к пению, но, к счастью, не сыграла. Однажды на уроке учительница попросила второклассника Высоцкого громко спеть песенку. Он старательно выполнил ее просьбу. Но допеть до конца не смог, как и досидеть урок, — учительница выставила ребенка за дверь класса и поставила двойку, очевидно, посчитав, что он издевается над ней. Песня осталась недопетой, о чем Володя с горечью сообщил дома. Но от той обиды не заплакал, не лил слезы и когда его наказывали или когда падал.

Осенью сорок первого года эшелон, в котором эвакуировалась московская парфюмерная фабрика «Свобода», увез Нину Максимовну с трехлетним сыном на Урал, в Оренбургскую область. Там московские дети жили отдельно от родителей в приспособленном под интернат бывшем сарае. И хотя об этой своей второй родине Владимир Высоцкий песен не сочинял, но запомнил ее навсегда. Поражало его, что рабочий стол матери занимал пень: она была тогда учетчицей. В Москву вернулись через два года. Когда проводили

по Мещанской колонну пленных фашистов — это было в июле 1944 года, — подросток и худющий сын спросил у матери: «Как по-немецки «долой Гитлера»? Затем кричал громко из окна на всю улицу: «Гитлер капут!». А потом принялся сдирать с окон бумажные кресты, наклеенные в начале войны. («Маскировку пытался сорвать я. Пленных гонят, чего ж мы дрожим?»). Нина Максимовна до войны закончила существовавший тогда в Москве комбинат иностранных языков и получила специальность переводчика. Одно время работала в «Интуристе», была гидом. А в дни войны, вернувшись из эвакуации, служила в бюро транскрипции, давала немецким названиям городов и сел перевод русскими буквами, чтобы их можно было нанести на штабные карты, пригодились, когда война шла на территории Германии.

не листа, начал со слов: «Родился в 1938 году в Москве, в семье служащих». Из нее явствует, что в девятом классе был членом комсомольского бюро, а в десятом — редактором стенной газеты... Позднее, в 1970 году, заполняя одну из самодельных анкет, на вопрос: «Кого считаете самой замечательной личностью в истории?» — ответил: «Ленин, Гарибальди». А любимым городом назвал Москву.

Возможно, что стал бы инженером — строителем, если бы не родился поэтом и актером. Страсть к сцене пробудилась в выпускном классе школы. Ходил тогда на занятия театральной студии в Дом учителя на улице Горького. Там с ним занимался актер Художественного театра В. И. Богомолов, по-видимому, внушивший ему веру в свои силы.

Тем не менее вначале посту-

появился наконец у Владимира Высоцкого, всем уже известного артиста, поэта, композитора и певца, рабочий кабинет. Писал он обычно ночью. Поначалу не имел магнитофона — спешил по утрам к музыкантам, чтобы с их помощью записать родившуюся песню, пока не позабыл мелодию. Из этой квартиры, на Малой Грузинской, июльским днем солнечного олимпийского лета уже не смог отправиться на свой последний концерт. В детстве, вспоминает Нина Максимовна, перенес ревмокардит, отразившийся на сердце.

С Пресни его отнесли сначала на Таганку, в театр, потом на Ваганьково кладбище — оно недалеко от дома.

В просторной кооперативной квартире, где бы только жить да жить, все теперь собирается так, как прежде. Нет только рукописей — они в архиве ЦГАЛИ. В этой квартире видишь, как был популярен этот певец, певший хриплым голосом.

На карте мира отмечены кружком страны и города, где он побывал. Дважды летал на Таити. Вернувшись оттуда в Новые Черемушки и поставив чемодан в своей комнате, с облегчением сказал: «Ну, вот я и дома». Его жена (с 1968 года — известная актриса Марина Влади, сделавшая все для того, чтобы показать мужу весь мир) удивлялась: «Чего тебе там не хватало?» Многие художники, скульпторы, фотографы старались запечатлеть Владимира Высоцкого. И это видишь по хранящимся на Малой Грузинской картинам, портретам, скульптурам, многочисленным снимкам. В этой квартире живет теперь мать поэта, хранительница его творческого наследия.

Над старинным вместительным письменным столом висит гитара. У нее, кроме шести струн, есть еще на дополнительном грифе пять. Две другие гитары Высоцкого, когда их струны перестали рвать и им было можно было отдохнуть, внезапно вышли из строя — отскочила дужка, заматились струны. Четвертая гитара Владимира Высоцкого в музее. Она демонстрировалась на зарубежных выставках. На книжной полке недавно появились два сборника стихов поэта, изданных в Москве.

Но больше всего меня поразила в этой квартире комната, обитая стругаными досками, служившая кухней и столовой. Тут часто собирались друзья в качестве вместительным столом, расставившись на двух деревянных лавках. В кухонных ящиках и над ними собрана многоцветная пестрая коллекция всевозможных коробок из-под чая. Поэт привозил чай отовсюду, где бывал. И друзья, зная его пристрастие, дарили ему лучшие сорта. Он, как уже говорилось, сочинял песни ночью и разговаривал сон крепко заваренным чаем. Эти коробки, хранящие чайный аромат, развешены еще одну легенду о Высоцком. (Об этом своем пристрастии к чаю он, кажется, никогда не рассказывал на концертах).

Точно так же никто бы не подумал, слушая его мужественные песни, что до конца своих дней он обращался к матери иначе, как «мамочка». Огрубленным природой голосом пела нежнейшая душа. И с каждым годом все большее число людей начинает понимать это. Его любимое словечко в жизни, нечто вроде афоризма, было: «Разберемся...».

Лев КОЛОДНЫЙ.

Москва в лицах

ДЕТСТВО ПОЭТА

Все годы войны сын не видел отца. Офицер Семен Владимирович Высоцкий четыре года воевал. А в 1946 году вместе с сыном отправился снова в Германию на несколько лет. До этого, в первом и втором классе, Володя учился в школе в Первом Переяславском переулке. После занятий некому было за ним присмотреть, и нередко приходилось ему коротать часы на работе у матери. «В 1946 году, — вспоминает Нина Максимовна, — мы с мужем разошлись. Сыну нужен был отец. И мы с Семеном Владимировичем решили, что Володя будет у него, пока не закончит школу». Вернувшись в Москву, жил на Самотеке, в Большом Каретном, что также известно из песен.

На Первую Мещанскую возвратился в 1955 году, но уже в новый, построенный на месте старого дома, получивший номер 76. В него переехали и соседи из коммунальной квартиры. Их было человек сорок, а жили дружно. Некоторые соседи упомянуты в «Балладе о детстве»: метростроитель — «отец Витьки с Генкой»; Евдоким Кирилыч — он работал полтером гостиницы «Москва»; соседка Гиса Моисеевна. Муж ее в годы гражданской войны был на подпольной работе под фамилией Яковлев, под этой фамилией записался в народное ополчение и ушел на фронт, где героически погиб. Гиса Моисеевна с сыном и Нина Максимовна с сыном получили одну трехкомнатную квартиру № 68 на две семьи и жили в ней, по сути, как родственники. Одну комнату сделали столовой. В этой комнате стояла кровать Владимира.

Вообще до этого момента, до совершеннолетия, как видим, все было обычным в биографии московского школьника Владимира Высоцкого. У него, быть может, насчитывалось больше, чем у сверстников, знакомых и друзей. Вместе с другом, поступившим в строительный институт, по-видимому, из чувства солидарности, сдал документы туда же. Автобиографию, написанную при поступлении в институт, уместившуюся на полови-

Все это было в общем-то недавно, в 1960 году. Еще до этого в руках студента Высоцкого появилась гитара. Когда и у кого он научился играть, — это как-то матери не запомнилось. И теперь об этом слагают легенды. Не запомнилось и когда стал писать стихи. На сохранившемся листке из тетради, где простым карандашом Высоцкий записал сочиненные стихи для капустника по случаю вручения школе подарка от японских сверстников, читаю строки в подражание Пушкину, Маяковскому, Симонову и Бальмонту. Поэзией он уже тогда интересовался всерьез, студия разных поэтов как всем известных, так и малоизвестных, забытых.

Как и многие коренные москвичи, мать и сын Высоцкие из коммунальной квартиры переехали затем в отдельную — на Юго-Западе, в Новые Черемушки. В разное время приходилось ему снимать квартиры в Матвеевском, Давыдовском...

Последний адрес — дом на Малой Грузинской, высокий, кирпичный. В нем в 1975 году